

УДК 94(47).043

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-666-675

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ
В СЕРЕДИНЕ XVI в.:
МОСКОВСКИЙ БУНТ 1547 г. И ИВАН ГРОЗНЫЙ**

**POWER AND SOCIETY IN THE RUSSIAN STATE
IN THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY:
MOSCOW RIOT 1547 AND IVAN THE TERRIBLE**

**В.В. Пенской, Т.М. Пенская
V.V. Penskoу, T.M. Penskaya**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация

Проблемы, связанные с особенностями взаимоотношений власти и общества на разных этапах развития русской государственности, всегда входили в число наиболее популярных и обсуждаемых в научной среде. Сохраняет свою актуальность этот вопрос и сегодня. Этому способствуют причины как объективного, так и субъективного характера, в частности, изменившиеся подходы к изучению событий прошлого и новая методология исторических исследований. Основываясь на идеях об особенностях государственного и правового строительства в государствах раннего Нового времени, изложенных в современной западной историографии, авторы предлагают взглянуть на события лета 1547 г. в Москве под иным углом зрения с целью показать возможность другой их интерпретации, которая в большей степени соответствует сущности случившегося тогда в русской столице, нежели прежние трактовки. Они рассматривают эти события не как примитивный бунт, «бессмысленный и беспощадный», и не как вспышку классовой борьбы, но, прежде всего, как своего рода «ритуальное действие», в ходе которого проверялась на прочность верховная власть и реализовывалось право общества на внимание, милость и правосудие со стороны верховной власти. Подобный подход к анализу московских волнений летом 1547 г. позволяет взглянуть на них глазами человека того времени и лучше проникнуть в суть системы отношений между государем и его народом в России раннего Нового времени.

Abstract

Problems associated with the characteristics of the relationship between government and society at different stages of the development of Russian statehood have always been among the most popular and discussed in the scientific community. This issue remains relevant today. This is facilitated by reasons of both objective and subjective nature - in particular, the changed approaches to the study of past events and the new methodology of historical research. Based on ideas about the peculiarities of state and legal construction in the states of early New time, set forth in modern Western historiography, the authors propose to look at the events of the summer of 1547 in Moscow from a different angle. Their task is to show the possibility of another interpretation. It is more consistent with the essence of what happened then in the Russian capital than the previous interpretations. The authors view these events not as a primitive rebellion, "meaningless and merciless", and not as an outbreak of the class struggle. They consider it as a "ritual action." During this "action" during which the supreme authority was tested for strength and the right of society to attention, mercy and justice from the supreme authority was realized. A similar approach to the analysis of Moscow unrest in the summer of 1547 allows you to look at them

through the eyes of a person of that time and better penetrate the essence of the system of relations between the sovereign and his people in Russia in the early Modern.

Ключевые слова: Раннее Новое время, Россия, политическая система, власть и общество, Иван Грозный, боярское правление, политический кризис, московские пожары, городские восстания.

Key words: Early Modern, Russia, political system, government and society, Ivan the Terrible, boyar rule, political crisis, Moscow fires, urban uprisings.

Власть и общество в раннее Новое время: проблемы взаимоотношений

Характеризуя особенности функционирования политической системы Русского государства во 2-й половине XV–XVI вв., отечественный историк Н.Н. Покровский писал в предисловии к исследованию Ю.Г. Алексева об Иване III, что «власть эта (Ивана III и, вне всякого сомнения, его сына Василия и внука Ивана – *В.П.*, *Т.П.*) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии "государство", а на двух понятиях – "государство" и "общество", на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-«города» и пр. – *В.П.*, *Т.П.*). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...» [Алексеев, 1991, с. 5].

Это наблюдение, к сожалению, не получило развития в современной отечественной историографии, которая продолжает рассматривать историю Русского государства в эпоху раннего Нового времени через призму концепции «централизованного государства». На определенные ее недостатки обратил внимание еще в 1973 г. С.О. Шмидт [Шмидт, 1973]. Однако его наблюдения также не были замечены. Рассматривая процессы государственного строительства на Руси в XV–XVII вв., историки по-прежнему концентрировали свое внимание на «форме», подвергая анализу видимую сторону функционирования государства – прежде всего «дело государево», то есть внешнюю политику, дипломатию, войну и политическую борьбу. Исследование же «содержания», того, что Дж. Брюэр назвал «*sineews of power*» («мускулатура власти» или, как вариант, ее инфраструктура – *В.П.*, *Т.П.*) [Brewer, 1988], напротив, привлекала существенно меньшее внимание, причем, если работы частного характера и можно найти (например, Пашкова [2000], Бовыкин [2012] и др.), то обобщающих пока нет. Единственным исключением является последнее исследование М.М. Крома [2018]. Однако эта работа, несмотря на ее концептуальность, выполнена в научно-популярной манере. Между тем на Западе изыскания именно в этой сфере, с переносом фокуса внимания исследователей на «внутренние аспекты» создания и последующего совершенствования государственного механизма или, говоря другими словами, на «инфраструктурную власть» вместо власти «деспотической» [Brewer, Hellmuth, 1999], имеют давнюю традицию.

За это время был сделан ряд наблюдений, которые существенно изменили отношение к «централизованным» государствам раннего Нового времени. Пожалуй, одним из важнейших из них можно считать указание на необходимость четко различать декларации и реальность. Эти государства не были настолько централизованными, какими они пытаются предстать в своих официальных актах. «Суверенитет зачастую был в большей степени мифом, нежели реальностью, больше разговорами политиков о своей собственной власти, чем теми определенными властными полномочиями, которыми они обладали» [Ven-ton, 2010, p. 279].

Удивляться этому не приходится, если принять во внимание, что в раннемодерных государствах – равно как в «даннических» империях, так и в государствах с «фрагменти-

рованным суверенитетом» и в «национальных» государствах [Тилли, 2009] – везде в большей или меньшей степени верховная власть была вынуждена, по словам К. Борки, «делить контроль со множеством посреднических структур и с местными элитами, религиозными организациями и местными органами самоуправления, и множеством иных привилегированных образований» [Barkey, 2008, p. 10]. Даже Франция, которая прежде считалась идеальным централизованным государством с сильной властью монарха – и она, по словам С. Кэрролл, представляла собой «составное политическое образование, государство, сшитое на живую нитку из регионов с различными, отчетливо выраженными идентичностями» [Carroll, 2006, p. 331].

Эта «лоскутность» вкупе со слабостью «мускулатуры власти» налагали серьезные ограничения на реальные полномочия верховного суверена и вынуждала идти на компромиссы с местными сообществами и выступающими от их имени местными же элитами. Краеугольным камнем этой политической системы, как отмечали Дж. Брюэр и Э. Хеллмут, являлись «переговоры, а не насилие» [Brewer, Hellmuth, 1999, p. 12]. Так что цитата, приведенная нами в начале этой статьи, лишь подчеркивает сходство раннемодерной России с аналогичными политическими образованиями Европы этого времени и ставит вопрос о характере взаимодействия верховной власти с «миром» в русской политической традиции раннего Нового времени.

Взаимоотношения между верховной властью и «миром» в России того времени касались различных областей государственного управления, причем, что немаловажно, их базовые принципы носили традиционный и неформальный характер. Однако от этого эти концептуальные основы не становились менее действенными. Это обстоятельство обусловило, на наш взгляд, кажущуюся их неартикулированность (что отнюдь не означало отсутствие в раннемодерной России развитой политической «теории» и соответствующей «идеологии») и, как следствие, отчетливо просматривающееся в сочинениях иностранных наблюдателей непонимание сущности русской политической системы (не в последнюю очередь связанное с закрытостью России и русского общества для иностранцев). Для исследования одного из аспектов этих взаимоотношений обратимся к событиям июня 1547 г. в Москве и на их примере рассмотрим, как работала обратная связь между «миром» и верховной властью в России раннего Нового времени.

Царь, его народ и великий московский пожар

В одной из своих последних работ американский русист Н. Коллманн, анализируя московские городские восстания XVII в., сделала ряд любопытных наблюдений. По ее словам, «легитимность его (государя – *В.П.*, *Т.П.*) власти зависела от того, как он (государь – *В.П.*) исполняет свои властные полномочия». Далее она отмечала, что в России, как и в Европе, «легитимность (власти – *В.П.*, *Т.П.*) основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе». От государя, продолжала Коллманн, ожидали, что он «будет восстанавливать справедливость и подавать всем примеры нравственной жизни», не говоря уже об обязанности «быть внимательным к тяготам своего народа». И, подводя своеобразный итог этим наблюдениям, она отмечала, что «московские восстания XVII столетия разворачивались как ритуальное действие с участием правителя и народа, которое демонстрировало и проверяло на прочность законность царской власти», ибо «каким бы могущественным ни считался царь, законность его власти зиждились на представлениях народа о его благочестии, справедливости, милости к бедным и умении слышать свой народ» [Коллманн, 2016, с. 487, 504, 522, 524]. Именно такой образ благочестивого, справедливого и милостивого государя, защитника всех православных и создавался неустанными трудами церковных интеллектуалов и внедрился в народное сознание.

Однако вот в чем вопрос – насколько юный Иван IV, венчавшийся на царство в январе 1547 г., соответствовал этим требованиям? Из дошедших до наших дней нарративных источников следует, что в самой малой степени. Во всяком случае, псковские и новгородские летописи без особого пиетета перед особой государя сообщают, что он тогда еще явно не проникся осознанием своего высокого предназначения [Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 618-619; Псковская 3-я летопись, 2003, с. 230]. И это при том, что как новгородцы, так и псковичи ждали от его визита в свои города очень и очень много, и прежде всего справедливости.

Убедившись в том, что государь не намерен удовлетворить их просьбы, псковичи и новгородцы решили бить челом ему в столице. Первыми это попробовали сделать новгородцы, недовольные теми злоупотреблениями, которые допустили местные «лучшие люди» и стакнувшиеся с ними государевы наместники и дьяки при наборе пищальников для похода на Казань. Полсотни новгородских челобитчиков попытались было летом 1546 г. под Коломною передать Ивану соответствующую грамоту, однако молодой Иван отказался их выслушать и приказал «отослати», что привело к конфликту челобитчиков с дворянами царской свиты и кровопролитию (по словам русского книжника, «бысть бой велик и мертвых по пяти, по шти на обе стороны») [Царственная книга, 2000, с. 448].

В июне 1547 г. настала очередь псковичей, недовольных правлением в их городе наместника князя И.И. Пронского Турунтая. К несчастью для псковичей, князь был в фаворе при дворе, и это предопределило печальную участь челобитчиков, подвергнувшихся насилию и оскорблениям со стороны юного царя [Псковская 3-я летопись, 2000].

Как можно видеть, ни в том, ни в том другом случае царь не только отказался осуществить акт правосудия, но и не стал выслушивать своих подданных. Царское ухо оказалось глухо к жалобам «менших людей». В этой связи стоит вспомнить о любопытном заключении, которое сделала В Кивельсон, анализируя все те же городские движения в России XVII в. В одной из своих работ она отмечала, что механизм взаимодействия общества, того самого «мира» или «земли», с государем в раннемодерной России может быть описан формулой «совет, челобитная, недовольство, бунт» [Kivelson, 2002, p. 474]. Очевидно, что и псковичи, и новгородцы прошли две первые стадии этого процесса, а новгородцы де-факто дошли и до третьей. В Москве же в июне 1547 г. эта дорога была пройдена до самого конца.

Немного хронологии событий. Весна 1547 г. выдалась для москвичей непростой. Скачок цен на хлеб и установившаяся дороговизна (А.Г. Маньков отмечал, скачкообразную динамику подъема хлебных цен в 40-х гг. XVI в. [Маньков, 1951]), рост налогов, обусловленный подготовкой похода на Казань и, видимо, царской свадьбой и венчанием на царство – все это не в лучшую сторону влияло на настроения в обществе [Русский Хронограф, 2005]. Два сильных пожара 12 и 20 апреля опустошили большую часть столицы [Летописец начала царства, 2009]. В накаленной атмосфере опустошенной пожарами Москвы посадские люди занялись поиском и наказанием тех, кого подозревали в поджогах [Постниковский летописец, 1978]. Среди горожан поползли слухи, что де «явились на Москве по улицам и по иным городом, и по селом, и по деревням многие сердечники, выимали из людей сердца», а 1 июня случилось еще одно знамение, на этот раз небесное: «Во Пскове бысть знамение: на небеси кроуг надо всем Псковом бел, а от Москве на той кроуг на белой иныя круги яко доуги видно на краи настоупили, страшни велми, и на болшом кругоу перепояски» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 232].

Вслед за этим знамением случилось другое, не менее неблагоприятное, – 3 июня рухнул колокол-благовестник Благовещенского собора во Кремле [Летописец начала царства, 2009, с. 51; Постниковский летописец, 1978, с. 29]. И новые бедствия не замедлили явиться. Вслед за еще одним небольшим пожаром во второй половине дня 21 июня «загоряся храм Воздвижение честнаго креста за Неглинною на Арбацкой улице на Острове». Новый пожар превзошел все предыдущие. «Бысть буря велика, и потече огонь якоже молния, и пожар силен», записал книжник, и продолжил: «Прежде убо сих времен памятные

книзи временнии пишут, таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоваться» [Летописец начала царства, 2009, с. 52, 54].

Практически вся Москва обратилась в пепелище. Новгородский летописец писал о том, что в столице сгорело 250 церквей и дворов «белых и черных» 25 тысяч, а еще погибло в пламени и в дыму 2 700 москвичей [Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 620]. Причина этого неслыханного дотоле бедствия была для русских людей очевидна: «Божим гневом сие бысть огненное пламя ... грех ради наших в наказание нам от бога послася, за умножение наших согрешений не пощади бог толико множество святых церквей и обротов святых своих». И случилось это потому, что «в царствующем граде Москве оумножившихся неправде, и по всеи России, от велмож, насилствующих к всему миру и неправо судящих, но по мзде, и дани тяжкие, и за неисправление правыя веры пред Богом всего православного христианства», поскольку «силные люди» «в бесстрашии живуще» по причине юности Ивана IV и из-за отсутствия государевой грозы перестали считаться с общепринятыми традициями и способами решения споров [Летописец начала царства, 2009, с. 54; Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 620].

Стоит заметить, что этот мотив оказался весьма распространенным в русской книжности того времени. Он описан, например, в сочинении неизвестного книжника «О великом и сугубом пожаре и о милостивом защищении» [1958, с. 198, 199]. И когда Иван Грозный в своем послании князю А.М. Курбскому обвинял бояр во всякого рода злодействах и лихоимстве в годы его детства и юности [Первое послание Курбскому, 2005], то он лишь отражал общую точку зрения. И то, что это не фигура речи и литературный оборот, убеждают глухие оговорки летописей о «свирепых, аки лвовах» наместниках и их людях, «аки зверях дивиих» до православных «крестьян» [Акты исторические, 1841, с. 203].

Здесь самое время привести любопытные наблюдения, которые сделал М. Брин относительно особенностей функционирования судебной системы и права во Франции времен «старого режима». Он отмечал, в частности, что закон и суд «были составным элементом более разветвленной системы разрешения споров, которая включала в себя посредников, третейских судей-арбитров и других его участников, которые занимались сделками, переговорами или иными другими средствами, позволявшими урегулировать спор неформальными путями». При этом стороны обращались в официальный суд не только и не столько затем, чтобы достичь окончательного решения спора, что стоило дорого и еще дороже стоило добиться его выполнения, сколько для того, чтобы принудить ответчиков к переговорам или поиску иных, неофициальных способов урегулирования спора – таких, как посредничество или арбитраж. При этом закон придавал этой сложной системе необходимую «ауру» легитимности, задавал определенные правила игры и обеспечивал ее работоспособность [Breen, 2005].

Московский бунт, «бессмысленный и беспощадный»?

Модель отношений между верховной властью и обществом, описанная выше и характерная для раннеמודерных государств, действовала и в России тех времен, причем, как отмечала Н. Коллманн, она функционировала в рамках «экономики даров» и то, что сейчас воспринимается как коррупция, тогда выступало в роли своего рода «смазки», позволявшей вращаться колесам этой машины. Однако, продолжала она, «население городских и сельских общин было почти всегда беззащитно перед лицом **чрезмерных запросов, выходящих за рамки народных представлений о честности** (выделено нами – *В.П., Т.П.*)...» [Коллманн, 2016, с. 525]. Очевидно, что перед нами как раз тот самый случай, когда местные «миры» оказались беззащитны перед лицом чрезмерных, с их точки зрения, поборов со стороны власть имущих.

Теоретически «миры» могли бить челом государю, прося его о справедливости и правосудии. Но в нашем случае Иван IV оказался не готов выполнить эту роль верховного арбитра и третейского судьи. И тогда «мир» решил возложить обязанности отправления

правосудия на себя, благо у него к тому времени были развязаны руки. В псковской 1-й летописи о том, что в 1540–1541 г. «бысть жалование государя нашего великого князя Ивана Васильевича всеа Роусии до всеи своеи Руской земли, млада возрастом, 11 лет, и стареиша умом: до всеи своеи отчины милосерда, показа милость свою и нача жаловати, **грамоты давати по всем градом болшим** (выделено нами – *В.П., Т.П.*) и по пригородом и волостем, лихих людеи обыскивати самым крестьяном меж собя по крестномуу целованию и их казнити смертною казнью, а не вода к наместником и к их тивуном лихих людеи разбоиников и татеи» [Псковская 1-я летопись, 2003, с. 310]. Пресловутая губная «реформа» (дискуссия о которой в отечественной историографии продолжается до сих пор вот уже не одно десятилетие [Кром, 2010]), о которой и говорится в этой летописной записи, явно не могла пройти мимо Москвы. И летописное сообщение о том, что московский посадский люд после апрельских пожаров ловил, пытал и казнил поджигателей, явных и мнимых, может быть истолковано именно как указание на предоставленное верховной властью право «крестьяном» самим «обыскивати меж собя» и «казнити» «лихих людеи».

Вернемся, однако, обратно к событиям июня 1547 г. в Москве. Упомянутая нами прежде Н. Коллманн отмечала, что «вспышки насилия происходили тогда, когда нарушения принимали беспрецедентный характер, налоговое бремя и повинности становились невыносимыми, а правительство оставалось глухим к чаяниям народа» [Коллманн, 2016, с. 487]. Согласимся, что в июне 1547 г. в столице Русского государства накопилась критическая масса недовольства властями, грандиозный пожар 21 июня довел ситуацию до точки кипения, и нужен был лишь повод, чтобы произошел взрыв, и в схеме, описанной В. Кивельсон, начался последний, четвертый, сопряженный с насилием и кровопролитием этап.

Этот повод появился 26 июня 1547 г. Тремя днями ранее, на встрече Ивана IV и членов Боярской думы с чудом уцелевшим в ходе пожара митрополитом Макарием в Новинском монастыре духовник царя протопоп Федор Бармин и бояре И.П. Федоров и Ф.И. Скопин Шуйский «вражиим наветом начаша глаголати», что де пожар на Москве случился по той причине, что некие злодеи «вълхвъванием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре». Царь под влиянием этих речей «велел того бояром сыскати» [Царственная книга, 2000, с. 455 (правый столбец)]. Двадцать шестого же июня боярская «сыскная» «комиссия» (в нее входили, согласно «Царственной книге», Федор Бармин, бояре князя Ф.И. Скопин Шуйский и Ю.И. Темкин Ростовский, И.П. Федоров, Г.Ю. Захарьин, окольниковый Ф.М. Нагой и «инии мнози»), явилась перед собравшимися на обедню перед Успенским собором Кремля «черными людьми» «и начаша въпрашати: кто зажигал Москву» у собравшейся перед собором толпы. Толпа же отвечала, что во всем виновата Анна Глинская, бабка Ивана IV, «з своими детми и с людми вълхвовала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела». И дальше составитель «Царственной книги» указывал (на что кстати, не особенно принято обращать внимание), что «сие глаголаху черни людие того ради, что в те поры **Глинские у государя в приближении и жалование, а от людей их черным людем насилство и грабеж, они же их от того не унимаху** (выделено нами – *В.П., Т.П.*)...». Князь Ю.И. Глинский, присутствовавший при этом на площади, попытался было укрыться в церкви, однако бояре (выходит, это те самые «болшие люди» новгородской летописи – *В.П., Т.П.*) «по своей к Глинским недружбе наустиша черни». Толпа убила князя прямо в соборе, после чего, «извлекоша передними дверми на площадь и за город и положиша перед Торгом, идеже казнят» [Царственная книга, 2000, с. 456 (правый столбец)]. Иван Грозный в письме Андрею Курбскому также отмечал, что его дядя был убит толпой прямо в церкви, «против митрополичья места» [Первое послание Курбскому, 2005, с. 35].

Убийство Глинского стало сигналом для начала погромов в Москве, в ходе которых «людей княже Юрьевых безчислено побиша и живот княжей розграбиша, ркуще безумием своим, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша», заодно побив и пограбив множество северских служилых людей, к несчастью своему оказавшихся на

Москве в те дни, «называючи их Глинского людми» [Царственная книга, 2000, с. 456 (правый столбец)].

Публичную расправу над Ю.В. Глинским и его людьми «черные людие града Москвы» мотивировали тем, что де «вашим (т.е. Глинских – *В.П., Т.П.*) зажиганием дворы наши и животы погореша» [Летописец начала царства, 2009, с. 54]. Другой книжник добавил к этому описанию интересную деталь – по его словам, посадские люди собрались «вечем» [Русский Хронограф, 2005, с. 527]. Очевидно, что эти убийства и погромы надо рассматривать как предпринятый «миром» розыск виновников бедствий и их публичное наказание, причем эти насилие и кровопролитие пусть и в варварской форме, но все же проходили в рамках той самой системы разрешения споров и осуществления правосудия.

Апогеем волнений стал поход московских посадских людей на подмосковное село Воробьево, где в это время находился Иван IV с молодой женой и со своим двором, предпринятый 29 июня 1547 г. Явившиеся в царскую загородную резиденцию «по кличу палача» вооруженные («с щиты и з сулицы, яко же к боеви обычаи имяху») посадские люди потребовали выдать им на расправу княгиню Анну Глинскую и князя Михаила Глинского, брата убитого Юрия, обвиненных в поджоге Москвы и в наведении иноплеменных на Русскую землю («бе же тогда пришел со мною силою царь Крымской и стоял в полях») [Новгородская 4-я летопись, 1929, с. 621; Царственная книга, 2000, с. 456 (правый столбец)]. Это был тот самый случай, описанный Н. Коллманн, когда народ, не имея другой возможности достучаться до верховной власти, прибегал к насилию. «В таких случаях царю приходилось общаться с народом напрямую, – писала она, – принимая на себя роль посредника и судьи, поскольку толпа взывала к традиционному праву о царской милости и прямому общению с государем как отцом народа» [Коллманн, 2016, с. 487].

К счастью для Ивана, впечатлительная натура которого уже второй раз за непродолжительный срок испытала серьезное потрясение ([Новгородская 4-я летопись, 1929]), ему не пришлось, как Алексею Михайловичу в 1648 г., жертвовать своим близкими. Ни Михаила Глинского, ни его матери в его резиденции не было (Михаил находился во Ржеве на службе, а Анна, судя по всему, с началом волнений бежала из Москвы к своему сыну). Надо полагать, что в ходе переговоров с народом Иван сумел убедить их в том, что виновников пожаров в его резиденции нет, и что он обещает исправиться и не пренебрегать больше своими обязанностями как государя (и его последующие действия убеждают в том, что данное обещание он сдержал). Тесная связь между государем и его подданными, являвшаяся основной московской политической и правовой системы, была восстановлена. Стоит обратить внимание на тот факт, что эта связь работала в обе стороны – не только народ мог обращаться напрямую к царю, взыскав правосудия и милости, но сам государь мог апеллировать к народному мнению, нуждаясь в его поддержке. Именно это мы и наблюдаем в 1565 г., в трагический момент учреждения опричнины, или летом 1570 г. И что еще любопытно – июньский 1547 г. урок был хорошо усвоен Иваном Грозным. Настолько хорошо, что до самой его смерти сколько-нибудь серьезных волнений в столице, подобных выступлению 26–29 июня 1547 г., больше не наблюдалось. Следовательно, обе стороны были удовлетворены теми отношениями, что сложились между ними после волнений.

Заключение

Подводя итог сказанному выше, отметим, что, на наш взгляд, отказ от устоявшихся взглядов на события лета 1547 г. в Москве и реинтерпретация их с применением новых подходов к изучению особенностей социально-политического и правового развития европейских государств раннего Нового времени (к которым, несомненно, относилась, при всем своем своеобразии, и Россия времен Ивана Грозного), позволяет дать иную, несколько неожиданную их оценку. Московские события конца июня 1547 г. – это не «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», и не мятеж (хотя отдельные его элементы присутствовали в них). Нет, на наш взгляд, это сложное событие, в котором тесно и неразрывно

переплелись интересы отдельных группировок-«партий» при дворе, служилых людей и московского посадского люда, борьба за власть и влияние на юного государя и справедливые требования правосудия со городских низов, причем попытка одной из придворных «партий» использовать недовольство московских посадских людей в своих целях очень скоро вышла за рамки борьбы за власть внутри правящей элиты. Московский посад, требуя справедливости и скорого суда над теми, кого он считал виновниками своих бедствий, воспользовался своим правом и напрямую обратился к царю, продемонстрировав при этом свою силу. Это обращение возымело свой результат равно в краткосрочной (под влиянием этих событий верховная власть возбудила серию дел против наиболее одиозных администраторов) и долгосрочной (взаимодействие и доверие между государем и его народом было восстановлено) перспективах.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1841. Т. I. 1334-1598. СПб., Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг. 607 с.
2. Алексеев Ю.Г. 1991. Государь всея Руси. Новосибирск., Наука. 240 с.
3. Бовыкин В.В. 2012. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб., Дмитрий Буланин. 421 с.
4. Иван Грозный. 2005. Первое послание Курбскому (1564). В кн.: Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука: 9–71.
5. Коллманн Н. 2016. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. Пер. с англ. М., Новое литературное обозрение. 616 с. (Kollmann, Nancy Shields. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press. 504 p.)
6. Кром М.М. 2010. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., Новое литературное обозрение. 888 с.
7. Кром М.М. 2018. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., Новое литературное обозрение. 256 с.
8. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича 2009. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. М., Знак: 9–116.
9. Львовская летопись. 2005. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. XX. М., Языки славянских культур. 704 с.
10. Маньков А.Г. 1951. Цены и их движение в Русском Государстве XVI века. М.–Л., АН СССР. 274 с.
11. Новгородская 4-я летописью Список Н.К. Дубровского. 1929. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. IV. Часть 1. Вып. 3. Л., АН СССР: 1–632.
12. О великом и сугубом пожаре и о милостивом защищении, иже на воздухе заступлением Пречистые Богородицы. 1958. В кн.: Зимин А.А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания. Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 20. М., Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина: 198–203.
13. Пашкова Т.И. 2000. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., Древлехранилище: 215 с.
14. Постниковский летописец. 1978. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., Наука: 8–30.
15. Псковская 1-я летопись. 2003. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. М., Языки славянских культур. 256 с.
16. Псковская 3-я летопись. 2000. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М., Языки русской культуры. 368 с.
17. Русский Хронограф. Часть первая. 2005 В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. XXII. М., Языки славянских культур: 1–538.
18. Тилли Ч. 2009. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. Пер. с англ. М., Территория будущего: 328 с. (Tilly, Charles 1990. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Cambridge: Cambridge University Press. 269 p.)
19. Царственная книга. 2000. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры: 439–532.

20. Шмидт С.О. 1973. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., Мысль. 359 с.
21. Barkey J. 2008. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. 341 p.
22. Benton L.A. 2010. *A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900*. Cambridge: Cambridge University Press. 340 p.
23. Breen M.P. 2005. Patronage, Politics, and the “Rule of Law” in Early Modern France. In: *Proceedings of the Western Society for French History*. № 3: 95-113.
24. Brewer J. 1988. *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688-1783*. Cambridge: Cambridge University Press. 253 p.
25. Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In: *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press: 1–22.
26. Carroll S. 2006. *Blood and Violence in Early Modern France*. Oxford-New York: Oxford University Press. 369 p.
27. Kivelson V. 2002. Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom. In: *The Journal of Modern History*, Vol. 74, No. 3: 465–489.

References

1. Akty` istoricheskie, sobranny`e i izdanny`e Arxeograficheskoyu kommissieyu [Historical acts compiled and published by the Archaeographic Commission]. 1841. Vol. I. 1334–1598. SPb., Tip. E`kspedicii zagotovleniya gosudarstvenny`x bumag. 607 p.
2. Alekseev Yu.G. 1991. *Gosudar` vseya Rusi* [Sovereign of All Russia]. Novosibirsk, Nauka, 240 p.
3. Bovy`kin V.V. 2012. *Mestnoe samoupravlenie v Russkom gosudarstve XVI v.* [Local government in the Russian state of the XVI century] SPb., Dmitrij Bulanin. 421 p.
4. Ivan Grozny`j. 2005. *Pervoe poslanie Kurbskomu (1564)* [The first epistle to Kurbsky (1564)] In: *Poslaniya Ivana Groznogo* [The Epistle from Ivan the Terrible]. SPb., Nauka: 9–71.
5. Kollmann N. 2016. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie*, 616 p. (in Russian) (Kollmann N.S. 2012. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press. 504 p.
6. Krom M.M. 2010. «Vdovstvuyushhee царство»: politicheskij krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka [«The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia of the 30s–40s of the 16th Century】. M., *Novoe literaturnoe obozrenie*, 888 p.
7. Krom M.M. 2018. *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus` XV–XVI vekov* [Birth of the state: Moscow Russia XV–XVI centuries]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie*, 256 p.
8. *Letopisech nachala czarstva czarya i velikogo knyazya Ivana Vasil`evicha* [Chronicle of the beginning of the kingdom of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilievich] 2009. In: *Polnoe sobranie russkih letopisej*. Vol. XXIX. M., Znak: 9–116.
9. *L`vovskaya letopis`* [Lvov's Chronicle] 2005. In: *Polnoe sobranie russkih letopisej*. Vol. XX. M., *Yazy`ki slavyanskix kul`tur*. 704 p.
10. Man`kov A.G. 1951. *Ceny` i ix dvizhenie v Russkom Gosudarstve XVI veka* [Prices and their movement in the Russian State of the XVI century]. M.-L., AN SSSR. 274 p.
11. *Novgorodskaya 4-ya letopis`yu Spisok N.K. Dubrovskogo* [Novgorod 4th Chronicle List of N.K. Dubrovsky]. 1929. In: *Polnoe sobranie russkih letopisej*. Vol.. IV. Chast` 1. Issue 3. L., AN SSSR: 1–632.
12. *O velikom i sugubom pozhare i o milostivom zashhishhenii, izhe na vozduse zastupleniem Prechisty`e Bogorodicy* [About the great and pure fire and gracious protection, like those on the air by the intercession of the Most Holy Theotokos]. 1958. Zimin A.A. *Povesti XVI veka v sbornike Rogozhskogo sobraniya* [16th century tales in the Rogozh collection]. *Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. V.I. Lenina*. Issue 20. M.: biblioteka im. AV.I. Lenina, pp. 198–203.
13. Pashkova T.I. 2000. *Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoj poloviny` XVI veka: namestniki i volosteli* [Local government in the Russian state of the first half of the XVI century: governors and sheriffs]. M., *Drevlexranilishhe*: 215 p.
14. *Postnikovskij letopisech* [Postnikov's chronicle]. 1978 In: *Polnoe sobranie russkih letopisej*. Vol. 34. M., Nauka: 8–30.

15. Pskovskaya 1-ya letopis` [Pskov 1st Chronicle] 2003 In: Polnoe sobranie russkikh letopisej. Vol. V. Issue 2. M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur. 256 p.
16. Pskovskaya 3-ya letopis` [Pskov 3rd Chronicle] 2000 In: Polnoe sobranie russkikh letopisej. Vol. V. Issue 2. M., Yazy`ki russkoj kul`tury. 368 p.
17. Russkij Xronograf. Chast` pervaya [Russian Chronograph. Part one]. 2005. In: Polnoe sobranie russkikh letopisej. Vol. XXII. M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur: 1–538.
18. Tilly Ch. 2009. Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva [Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990]. 990–1992 gg. M.: Territoriya budushhego. 328 (in Russian) (Tilly, Charles 1990. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Cambridge: Cambridge University Press. 269 p)
19. Czarstvennaya kniga [The Regal Book]. 2000. In: Polnoe sobranie russkikh letopisej. Vol. XIII. M.: Yazy`ki russkoj kul`tury: 439–532.
20. Shmidt S.O. 1973. Stanovlenie rossijskogo samoderzhavstva. Issledovanie social`no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo [The formation of the Russian autocracy. A study of the socio-political history of the time of Ivan the Terrible]. M., My`sl`. 359 p.
21. Barkey J. 2008. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press. 341 p.
22. Benton L.A. 2010. A Search for Sovereignty. Law and Geography in European Empires, 1400–1900. Cambridge: Cambridge University Press. 340 p.
23. Breen M.P. 2005. Patronage, Politics, and the “Rule of Law” in Early Modern France. In: Proceedings of the Western Society for French History. № 3: 95–113.
24. Brewer J. 1988. The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1783. Cambridge: Cambridge University Press. 253 p.
25. Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In: Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York: Cambridge University Press: 1–22.
26. Carroll S. 2006. Blood and Violence in Early Modern France. Oxford-New York: Oxford University Press. 369 p.
27. Kivelson V. 2002. Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom. In: The Journal of Modern History, Vol. 74, No. 3: 465–489.

Ссылка для цитирования статьи For citation

Пенской В.В., Пенская Т.М. 2019. Власть и общество в Русском государстве в середине XVI в.: московский бунт 1547 г. и Иван Грозный. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (4): 666–675.
DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-666-675

Penskoj V.V., Penskaja T.M. 2019. Power and society in the Russian state in the middle of the XVI century.: Moscow riot 1547 and Ivan the Terrible. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (4): 666–675 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-666-675